

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начну с изъявления двух радостных чувств.

Это, во-первых, чувство глубокого удовлетворения от состоявшегося события, причём, на мой взгляд, — события значительного. Событие заключается в том, что данное уникальное сочинение А. А. Зализняка появилось, наконец, в виде отдельного издания. Лингвистические задачи Зализняка, разделённые на две группы и представленные в этой книжке, могут не только составить тему занятий кружков для школьников — кружков как по лингвистике, так и по математике, — но и доставить истинное наслаждение всем, кто готов получать удовольствие от интеллектуальных упражнений. До сего времени это сочинение Зализняка печаталось хотя и дважды, но только в составе сборников. Таковыми сборниками были:

Исследования по структурной типологии / Ин-т славяноведения АН СССР; Отв. ред. Т. Н. Моложная. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 137—159;

Задачи лингвистических олимпиад. 1965—1975 / Ред.-сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев. — М.: МЦНМО, 2006. — С. 516—545.

Теперь, когда «Лингвистические задачи» появились в виде отдельной брошюры, можно не только её прочесть, но и найти текст на сайте МЦНМО, то есть Московского центра непрерывного математического образования, в разделе «Свободно распространяемые издания». Достаточно набрать <http://www.mcsme.ru/free-books/> в адресной строке браузера и далее читать на своём компьютере. В настоящей брошюре, кстати, исправлены те немногочисленные опечатки, которые присутствовали в указанных сборниках.

Во-вторых, я вспоминаю тот восторг, который охватил меня, когда полвека тому назад я познакомился с текстом ещё в рукописи.

Уже первая фраза первой задачи сражала наповал: «Для лиц, незнакомых с баскским языком»! А сама задача вызвала у меня оторопь формулировкой задания: выписывались, без переводов, 12 предложений на баскском языке, указывалось, что в одном из них допущена грамматическая ошибка, и требовалось эту ошибку найти и исправить. Тут какая-то чушь, подумалось мне. Ведь может случиться, что в этом таинственном баскском языке именно так и положено сказать. Как же можно такое опровергнуть? С тем бóльшим удивлением я обнаружил через некоторое время, что решил задачу: и ошибку нашёл, и исправление предложил. Более того, оказалось, что почти все, кто брался за эту задачу, успешно её решали.

Напрашивающееся объяснение таково: в подсознании человека содержатся некоторые представления о том, как может и как не может быть устроен человеческий язык. Эти представления формализуются с большим трудом — если вообще формализуются. Их реализация, демонстрируемая возможностью успешного решения сформулированной только что задачи, происходит на интуитивном уровне. На том же, до сих пор не формализованном уровне происходит, скажем, узнавание со спины человека, которого мы до того видели только спереди, а также наша способность продолжить числовую последовательность, заданную своим началом, — например, последовательность 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, ...¹. Всё это наводит на непростые размышления о природе человеческого знания. Задач подобного типа — основанных на эксплуатации подсознания — в книге четыре. Они образуют первую группу. Вот, к примеру, третья задача этой группы. Выписаны шесть фраз на албанском языке с их переводами на древнееврейский; после чего выписываются две фразы на древнееврейском языке и предлагается перевести их на албанский.

Вторую группу составляют три задачи совершенно другого типа, объединённые единством замысла. По существу, в них читателю предлагается самостоятельно построить лингвистическую теорию, способную объяснить некоторые нерегулярности современного языка.

1 Это — хорошо известная математикам *последовательность Фибоначчи*, каждый член которой равен сумме двух предыдущих. Опыт показывает, что и лица, с нею не знакомые, в состоянии извлечь из выписанных начальных членов необходимую для продолжения закономерность.

Чтобы стало понятно, о чём идёт речь, приведу примеры. Вот не вызывающие вопросов переходы от существительных к образованным от них глаголам: *коса* — *косить*, *мера* — *мерить*, *гроза* — *грозить* (и тому подобные; читатель может продолжить). Отчего же тогда не *калека* — *калекить*, *рука* — *прирукить*, *слуга* — *слугить*, *нега* — *негить*, а почему-то *калека* — *калечить*, *рука* — *приручить*, *слуга* — *служить*, *нега* — *нежить*? Потому, отвечает лингвист, что когда-то как раз и было *калекить*, *прирукить*, *слугить*, *негить*, но в дальнейшем эти слова постепенно превратились соответственно в *калечить*, *приручить*, *служить*, *нежить*. Тогда встаёт следующий вопрос: каковы те события, происшедшие в процессе развития языка, которые вызвали такое превращение? Историческая лингвистика русского языка даёт на это такой ответ: согласные звуки [к] и [г], сопровождаемые гласными звуками определённого типа, к которому, в частности, принадлежит звук [и], повсюду в русском языке превращались в звуки [ч] и [ж]. Слово «повсюду» может вызвать у читателя недоумение: если превращение происходило повсюду, то слова «калека», «рука», «слуга» и «нега», взятые в форме родительного падежа единственного числа или в форме именительного падежа множественного числа, должны выглядеть как *калечи*, *ручи*, *служи*, *нежи*. Но ведь эти формы выглядят по-другому, а именно *калеки*, *руки*, *слуги*, *неги*. Как же так? Подумав, можно прийти к следующему заключению. Если бы первоначальными, древними формами были *руки*, *слуги* и так далее, то в силу правила превращения — перед звуком [и] — звуков [к] и [г] соответственно в звуки [ч] и [ж], сегодняшними формами существительных были бы *ручи*, *служи* и так далее. Но раз это не имеет места, то, значит, древние формы имели какой-то другой вид. И действительно, этот вид был таков: *калекы*, *руки*, *слуги*, *негы*. И лишь впоследствии — причём позже, чем совершился переход звуков [к] и [г] перед звуком [и] соответственно в звуки [ч] и [ж], — звук [ы] в этих формах в силу некоторого другого перехода превратился в звук [и].

Описанная процедура восстановления древних форм слов и установления законов развития, приведших от древних форм к современным, называется *внутренней реконструкцией*. (Бывает и так называемая *внешняя реконструкция*, но о ней нет необходимости здесь говорить.) В задачах второй группы читателю как раз и предлагается осуществить внутреннюю реконструкцию, только

не для русского, а для других языков — латышского и древнеиндийского.

Сборники задач по лингвистике публиковались и до того, как А. А. Зализняк обнародовал свои задачи. Некоторый список таких сборников приводит автор в сноске к первой же фразе своего сочинения. Для полноты добавим к этому списку два более поздних задачника:

В. А. Малаховский. Сборник задач и упражнений по курсу «Введение в языкознание». — М.: Учпедгиз, 1960;

В. Н. Клюева. Задачник по курсу «Введение в языкознание». — М.: Высшая школа, 1962.

Уже из самих названий этих сборников задач (как сборников, названных А. А. Зализняком, так и добавленных нами) видно, что они являются задачниками, цель которых — поупражняться в усвоении некоторого языковедческого курса. Таким образом, задачи, собранные в этих сборниках, предполагают некие знания, в соответствующих курсах полученные. Задачи Зализняка — совершенно иного рода. Они *самодостаточны* в том смысле, что не предполагают никаких лингвистических знаний и тем самым доступны для попытки решения любому желающему.

Поскольку раньше подобных задач не было, то оказалось, что для них нет общепринятого названия. Термин лингвистические задачи, кажущийся ныне совершенно естественным, в то время далеко не всеми воспринимался таковым. Характерна реакция одной лингвистки, прослышавшей, что вышел сборник «Исследования по структурной типологии» со статьёй «Лингвистические задачи». Принадлежа к кругу хороших знакомых автора статьи, она, с деликатно смягченным неодобрением, сказала кому-то из того же круга: «Это что же, выходит, Андрей решил уже выступить как академик Виноградов?» Академик Виктор Владимирович Виноградов, чьё имя носит сейчас Институт русского языка Академии наук, пребывал на вершине лингвистического Олимпа того времени, и только ему и равным ему принадлежало неписанное право писать программные статьи о задачах лингвистики, а единственный смысл, который она смогла приписать странному и никогда не встречавшемуся словосочетанию лингвистические задачи, — это ‘задачи лингвистики’.

Таким образом, Зализняк открыл новый жанр — жанр *самодостаточных лингвистических задач*. С одной стороны, задачи

этого жанра дают прекрасный материал для исследования мыслительной деятельности человека, о чём уже говорилось выше, с другой — сыграли поистине историческую роль в деле подготовки лингвистов. Дело в том, что именно опубликование в 1963 году этих задач сделало возможным лингвистические олимпиады школьников. В 1965 году в Москве состоялась Первая традиционная московская лингвистическая олимпиада ²; XLII Московская традиционная олимпиада по лингвистике состоялась в конце 2011 года. Традиционные московские олимпиады стали образцом и побудительной причиной для Международных олимпиад по лингвистике, которые теперь проводятся ежегодно, начиная с 2003 года. Первая Международная олимпиада состоялась в Болгарии в 2003 году, а далее они последовательно проводились в России, в Нидерландах, в Эстонии, в России, в Болгарии, в Польше, в Швеции, в США, в Словении. XI Международная олимпиада по лингвистике намечена на июль 2013 года в Великобритании. Конечно, в процессе проведения лингвистических олимпиад в их задачах не могли не появиться новые идеи, но все они так или иначе были развитием тех идей самодостаточности, которые были заложены в пионерской работе А. А. Зализняка. Без появления этой работы олимпиадное движение в области лингвистики не могло бы родиться.

Подводя итоги, можно сказать, что лингвистические задачи Зализняка имеют выдающееся научное, педагогическое и эстетическое значение.

Enjoy!

май 2013 г.

В. А. Успенский

2 Тогда она называлась по-другому: «Первая традиционная московская олимпиада по языковедению и математике».